

Всемирная история

А. ГАЗО

**ШУТЫ
И СКОМОРОХИ
ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ**

А. Газо
Шуты и скоморохи
всех времен и народов
Серия «Всемирная история (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63083942

Шуты и скоморохи всех времен и народов / А. Газо: Вече; Москва; 2020

ISBN 978-5-4484-8423-0

Аннотация

Даже животные, как утверждают специалисты, способны смеяться. Смех – то веселый и радостный, то злой, то прорывающийся сквозь слезы – издревле сопровождает и людей. Странно выглядит человек, не способный смеяться, горько ему живется на свете. Возможно, именно поэтому ещё на заре цивилизаций появились люди, для которых искусство вызывать смех было одним из основных занятий. Имена некоторых из них сделались нарицательными и до сих пор живут в повседневном языке. Смех стал частью неотъемлемой философии и поисков смысла жизни. Впервые издаваемое в современной орфографии исследование профессора истории А. Газо о шутах и шутовстве было напечатано во Франции еще в 1882 году, а в 1898-м появился его русский перевод, выполненный Н. Федоровой. Особую ценность русскому изданию придает

дополнительный очерк истории смеха и скоморошества на Руси начиная со Средних веков и вплоть до времен Петра Первого и Анны Иоанновны. Мудрый Эзоп, феерические персонажи итальянской комедии масок, язвительный Панч, незадачливый и одновременно хитрый Ходжа Насреддин, изворотливый Балакирев... Грубость нравов соседствует с высоким умом, а шутовские общества позднего Средневековья с ватагами русских скоморохов собраны под одной обложкой и открывают читателю почти неведомую нам сегодня сторону прошлого.

Содержание

Придворные шуты и скоморохи	9
Конец ознакомительного фрагмента.	43

А. Газо

Шуты и скоморохи

всех времен и народов

Перевод и дополнения Н. Федоровой

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

«Удовольствие, доставляемое смехом, – сказал Горей, – представляет одну из существенных потребностей человека...» Это замечание знаменитого профессора риторики, который считал в числе своих учеников Вольтера, подтверждается еще более самой историей человечества. Человек во все времена и во всех странах постоянно искал случаи развлечься среди разных тягостей и забот своей обыденной серенькой жизни, а так как он не всегда находит в себе самом источ-

ник развлечения, то весьма понятно, что он вынужден прибегать к посторонней помощи. Вот почему мы находим, как и в древности, так и в Средние века, при дворах королей и принцев, и в домах частных лиц, и на городских площадях, как у цивилизованных народов Европы, так и у полудикого населения Африки, и у обитателей далекого Востока особого рода людей, которым поручалось развлекать тех, кому жизнь казалась скучною и однообразною. Со времен Эзопа, который может считаться первым из шутов, и до фигляров и паяцев Директории была целая серия так называемых смехотворов по профессии, которые считали своею обязанностью забавлять своих современников или которые по приказанию должны были развеивать грусть своих властелинов. Некоторые из этих шутов даже возвысили свое ремесло до такой степени, что могли принять на себя исполнение более благородных и более важных обязанностей; эти люди, пользуясь безнаказанностью шутовства, говорили прямую истину в глаза сильным мира сего для того, чтобы довести до трона добрый совет или попросить милости для притесненных. Шутам было дано право говорить все, право, которым они часто пользовались, а иногда и злоупотребляли. Но все же официальные шуты часто были сеятелями истины, которая только этим путем достигала ушей властелинов и в противном случае никогда не дошла бы до них. Составлялись целые легенды касательно многих шутов с целью возвысить их и увековечить их имена. Таков, например, Трибуле, которо-

го Виктор Гюго изобразил в одной из лучших своих драм. Тут, конечно, бесполезно даже и прибавлять, что исторический Трибуле не имеет решительно никакого сходства с типом, выведенным знаменитым поэтом в его драме «Le Roi Samuse» («Король забавляется»). Конечно, шутам никогда не удавалось дорасти до того героя. Но уже достаточно и того, что они время от времени стояли за правду и за справедливость, и потому-то история и упоминает их имена с некоторым сочувствием. Мы в нашем беглом очерке хотим представить на суд читателей историю шутовства, начиная с греков и римлян; мы будем говорить о тех, на обязанности которых лежало возбуждать вокруг себя смех своими шутками, остротами и фиглярством: были ли то домашние шуты или придворные, или, наконец, шутовские корпорации. Эти люди представляют в общей совокупности времен и народов явление столь характерное в историческом смысле, что нам следует подробнее разобрать его в целом ряде эпох и народностей, в том числе и в русской, так как у нас в России шутовство имеет не только общую историческую основу, но и свою народную окраску, довольно резкую и отличительную, как и все прочие стороны нашей истории. Было бы излишне указывать здесь, в чем именно сказывается эта национальная окраска, как в отношении России, так и каждой в отдельности из всех прочих народностей культурного Запада, полудикого Кавказа и Дальнего Востока; из самого изложения, из общих характеристических особенностей ис-

тории той или другой народности читатель гораздо ярче и обстоятельнее увидит отличительные черты шутовства в той или иной стране, в ту или иную эпоху.

В заключение мы укажем, что кроме перевода книги Га-зо «Les Bouffons» мы заимствовали некоторые дополнения к нашему труду из сборника Кирши Данилова, из книги «Скорморохи на Руси» Ал.С. Фаминцына, из статьи П.И., помещенной в «Историческом вестнике» за 1888 год и др.

Придворные шуты и скоморохи

I

Значение и происхождение слова «Bouffon» (шут). – Домашние шуты в древности. – Застольные шуты. – Паразиты. – Ареталоджи (Aretalogi). – Философы, стоики и циники. – Шуты. – Эзоп.

«Буффон, – говорит Фуртье¹ в своем Всеобщем словаре, – это комедиант или шут, развлекающий публику своими остротами или шутками ради приобретателя денег. Такое же название относится и ко всем тем людям, которые любят пошутить и посмеяться, увлекая других своей веселостью и возбуждая всеобщий смех». «Это такое качество, – прибавляет составитель словаря, – которое во многих отношениях можно считать весьма ценным».

Что же касается происхождения слова «буффон» (bouffon), то Фуртье, пользовавшийся «Этимологическим словарем Менажа», говорит, что некоторые произво-

¹ Фуртье жил в XVII столетии (1620—1688); он составил словарь, после издания которого лишился звания академика. Этого ученого обвиняли в том, что он воспользовался трудами членов академии и издал словарь только под своим именем.

дят это слово от праздника, установленного в Аттике царем Эрехтеем. Один жрец по имени Буффо, принеся в жертву первого быка на алтарь Юпитера Полиенского, или Градохранителя, убежал так быстро и так неожиданно, что его не могли ни догнать, ни остановить; кроме того, он бросил на землю у жертвенника топор и другие орудия для жертвоприношения; эти последние были переданы в руки судей; после обыденного суда оказалось, что преступен был один только топор, а другие орудия невиновны; в последующие за тем годы это жертвоприношение постоянно сопровождалось таким же бегством жреца и таким же судом над топором. Так как подобная церемония имела совершенно шуточный тон, то с этого времени и стали называть всякое шутовство и скоморошество «bouffoinnerie».

Вольтер, который привел этот анекдот в своем «Философическом словаре», прибавляет, что этому анекдоту нельзя придавать большого значения; но и мы тоже совершенно согласны с Вольтером: скорее можно поверить тому, что пишет Менаж² по Соме³; он производит французское слово «bouffion» от средневекового латинского слова *buffo*. Так обыкновенно называли шутов, которые выходили на сцену с надутыми щеками; когда таким шутам давали пощечины,

² Менаж был современник Фуртье.

³ Соме. Комментарий на книгу Тертульяна, озаглавленную «De Pallio», с. 208. Соме так же, как и Казобон, считался первым ученым семнадцатого века; хотя оба они были протестантского вероисповедания, это нисколько не мешало католическим государям приглашать их к своим дворам.

то удары раздавались очень звонко и возбуждали в зрителях громкий смех. Жерар Жан Воссюс⁴ писал в своем «Этимологическом словаре», что французское слово «bouffer» означает «надуваться» или «вбирать в себя воздух»; поэтому и говорят «напыщенный человек» про гордеца, что означает, что он надут гордостью, высокомерием. По словам Литтре⁵, еще до сих пор существует во французском языке слово «bouffer» в смысле надуть лицо и показать этим, что находятся в дурном расположении духа.

Шуты и скоморохи появлялись во времена самой глубокой древности; они встречаются не только среди обыкновенных смертных, но и среди богов, населявших древний Олимп. Эразм⁶ в своей замечательной книге «Похвала Глупости» рассказывает нам, как боги Олимпа любили развлекаться во время своих пиршеств выходками и шутками других богов.

⁴ Жерар Жан Воссюс был родом немец и также современник Менажа и Фуртье. Он оставил много сочинений: его сын Исаак Воссюс также считался известным ученым и даже несколько затмил славу своего отца.

⁵ См. Литтре, «Dictionnaire de la langue française» слово Bouffer, т. I. с. 385, 1-й столбец.

⁶ Иногда Эразма называли Вольтером XVI века. Действительно, это был один из самых ученых и самых умных людей своего времени, один из выдающихся писателей той эпохи. Лев X, Генрих VIII, Франциск I и Карл V старались наперебой привлечь его к своим дворам; но он отказывался от самых блестящих предложений, желая сохранить совершенно независимое положение; он объездил большую часть Европы и наконец поселился у своего друга Мартина Фробена, известного типографщика в Вазе.

Так, например, Меркурий забавлял и смешил всех своими проказами и проделками. Вулкан своими дурачествами и шутовством возбуждал громкий смех бессмертных обитателей Олимпа во время их пиршеств. А как смешил всех Силен своею пляскою!⁷ Полифем – своими уморительными и тяжеловесными движениями в то время, как нимфы едва касались пола кончиками своих носков. Пан смешил всех своими глупыми песнями, его предпочитали музам, в особенности когда нектар разгорячал мозги богов.

Если мы спустимся с Олимпа на землю, то увидим, что и смертные брали пример с бессмертных. Вельможи и богатые люди еще в самой глубокой древности держали при себе «несчастливых созданий», обиженных природой в нравственном или в физическом отношении; иногда это были совершенно помешанные или безобразные карлики и карлицы, горбуны и горбуны; их обязанность заключалась в том, чтобы смешить и развлекать своих повелителей, а иногда и предрекать им будущее и волю богов. В древности смотрели на безумие как на нечто сверхъестественное. Гиппократ считал безумие вдохновением свыше⁸. Вообще, в то время думали, что безумные могут быть хорошими оракулами и безошибочно предсказывать будущее. В Средние века было рас-

⁷ Он исполнял особый род пляски, называемый *cordax*, изображая при этом движения пьяного раба.

⁸ *Гиппократ* – отец медицины, довел свое искусство до того, что прожил столет (460—360). Ему принадлежит метод наблюдения в медицинской науке.

пространено такое же мнение; мы встречаем такую же мысль у многих писателей Ренессанса. Когда Панург хотел узнать, следует ли ему жениться и будет ли он счастлив в супружестве, то он созвал к себе со всех сторон сивилл и немых, монахов и врачей и, наконец, знаменитого философа Трульогана; но Панург не был удовлетворен полученными ответами, и Пантагрюэль посоветовал ему обратиться к какому-нибудь юродивому⁹: «Мне часто приходилось слышать пословицу, что безумный нередко научает мудрого. Если ответы мудрого вас не удовлетворят, то обратитесь к безумному. Вам известно, что благодаря советам, наставлениям и прорицаниям юродивых спаслось немало царей, королей и государств; благодаря их предсказаниям было выиграно много сражений и сколько избегнуто несчастий. Мне кажется, что даже не стоит приводить вам и примеров, они у всех твердо сохранились в памяти».

Обычай содержать в домах *юродивых, шутов и уродов* ведет свое начало из самой глубокой древности; мы встречаем этот обычай и в Азии, как, например, у персов (в Сузе и в Экбатане), а также в Африке у египтян: на фресках, украшающих гробницы древних фараонов, мы видим изображения богатых египтян, окруженных многочисленной свитой, состоящей из уродов, шутов и людей, наряженных в странные шутовские костюмы. С востока этот обычай перешел в Грецию, а оттуда в Рим. В особенности присутствие шута

⁹ Пантагрюэль. Книга III. Глава XXXVII.

считалось необходимым во время пира; если во время какого-нибудь празднества не было балагура, то такое празднество считалось неполным. Эти балагуры и шуты часто занимали места тех прежних рапсодов или певцов, как Фемиуса на остров Итака или Домедокуса у Феацинцев. После плясунов, фокусников, акробатов, ученых обезьян, эквилибристов являлись шуты, которых, собственно, называли *гелотопуаца* (смехотворы). Эразм в своей «Похвале Глупости» описывает нам обычаи своих современников. Многие из этих обычаев были заимствованы у древних. Эразм говорит, что все празднества были бы очень скучны и однообразны, если бы тут не было бы «Глупости», которая часто проявлялась в лице кого-либо из современников, а за неимением такового нанимали шута или приглашали какого-либо паразита. Такой паразит, о котором упоминает Эразм, несколько не отличался от профессиональных шутов. Правда, его сажали за один стол с хозяевами и их гостями, но только с условием, чтобы он был постоянно в веселом настроении духа, возбуждал бы смех, не обижался бы за оскорбления, которыми его не щадили, и с улыбкой на лице принимал бы удары брошенных в него кубков и чарок, когда разгоряченные вином гости придут в азарт и не будут помнить, что они делают. Богатые римляне постоянно приглашали к своему столу такого паразита, так как хорошо знали ему цену.

Однако название «паразит» не всегда было в презрении у людей; это слово, собственно, означало «гость»; перво-

начально оно применялось к тем жрецам, которые принимали участие в священных пиршествах при храмах; далее в некоторых греческих городах называли паразитами таких гостей, которых обязательно приглашали к столу главных правителей города. Но в Риме паразиты упали очень низко; таких людей обыкновенно приглашали богачи для развлечения своих гостей. Слово «паразит» означало дармоеда и лизоблюда, который платил за гостеприимство шутовскими выходками и умением приглашать гостей и возбуждать в них смех и веселье. Вот каким образом паразиты дошли до такого унижительного положения. Конечно, видна большая разница между паразитом-жрецом, участвовавшим в пиршествах после жертвоприношений, и тем римским паразитом, которого описывает Лукиан¹⁰, философ-скептик, живший во II веке по Р.Х., в своем «Паразите». Вот что пишет названный философ:

«Паразит не заботится о философских вопросах, ему до них нет никакого дела, он не думает вовсе и о том, кто управляет миром, так как и к этому относится совершенно равнодушно; он убежден, что на белом свете все идет прекрасно и едва ли может идти лучше, – он пьет, ест и веселится, наслаждаясь всеми благами жизни; ночью его не тревожат дурные сновидения, так как днем у него нет никаких забот, то, конечно, нет их и ночью».

¹⁰ Лукиан проповедовал всеобщий скептицизм, а в своих сочинениях, исполненных остроумия и юмора, старался побороть пороки своих современников.

Часто паразиты и шуты заменялись философами, которые, несмотря на свою громкую кличку, играли не лучшую роль, чем те же шуты, так как, в сущности, они и были ими. Эти мнимые жрецы мудрости носили странное название *аретологов*. Эд. Салио и Ш. Даремберг в своем замечательном «Словаре древностей» говорят, что аретологи были особого разряда скоморохами, которых римляне приглашали к себе для развлечения; они должны были потешать присутствующих длинными речами, представлявшими странную смесь философских сентенций и плоских шуток. Быть может, такое прозвище давалось и обедневшим философам, которые опустились до роли шутов. Манефон¹¹ называет *аретологией* абсурдные речи морологоев, или рассказчиков разного вздора и плоскостей. Светоний в своем «Жизнеописании Августа» говорит, что этот император любил окружать себя во время пиршеств аретологами. Форчеллини рассказывает, что аретологи были бедные философы-стоики или циники, у которых не было ни школы, ни учеников; они обыкновенно посещали пиры богачей и занимали гостей забавными спорами о пороке и добродетели.

Конечно, умному человеку или даже просто какому-нибудь опытному шуту нетрудно было осмеять учение стоиков и циников. Известно, что даже Цицерон в одной из своих

¹¹ Манефон – греческий жрец, живший за 200 лет до Р.Х. в царствование Птолемея Филадельфа; он написал на греческом языке «Всеобщую историю Египта», из которой сохранились некоторые отрывки в греческих летописях.

речей (pro Мигена), желая осмеять Катона Утического, при-
мкнувшего к секте стоиков, дал нам хотя и остроумный, но
жестокий пример того, как легко представить в смешном и в
искаженном виде идеи Зенона. Некогда жил гениальный че-
ловек по имени Зенон, его последователи назывались стои-
ками. Вот некоторые из его догматов и его принципов: «Муд-
рец не знает милости и ничего не прощает. Сострадание,
снисходительность не более как легкомыслие и глупость; че-
ловек не достигнет своего назначения, если его может что-
либо тронуть или поколебать. Только один мудрец может
быть прекрасен, даже и в том случае, если он уродлив: если
он и живет в бедности, то он все же богат; если он и живет
в рабстве, то все же он царь. На тех, которые нефилософы,
смотрят как на бежавших рабов, изгнанников, врагов, безум-
ных. Все грехи совершенно одинаковы; всякая погрешность
уже есть преступление; убить своего отца не составляет боль-
шего преступления, чем зарезать курицу без всякой необхо-
димости. Мудрец никогда ни в чем не сомневается, никогда
не раскаивается, никогда не ошибается, никогда не изменяет
своего мнения».

Что же касается до циников, то им легко было возбудить
всеобщий смех, когда они являлись на веселое пиршество
среди статуй, цветов со своими растрепанными длинными
бородами, в своих грязных и рваных плащах, со своими ни-
щенскими сумами, в сандалиях и с палками в руках. Весьма
понятно, что из уст таких людей не лилось мудрых нравоуче-

ний, напротив того, они изрыгали парадоксальные сентенции, которые заимствовали у Крата или у Диогена. Они проповедовали совершенно серьезно, что мудрец должен стоять как можно ближе к природе. Легко себе представить, каковы были эти речи, судя уже по тем анекдотам, которые рассказывают о циниках, хотя и достоверность этих анекдотов подлежит некоторому сомнению, но все же можно положительно сказать, что подобные разглагольствования циников только возбуждали в гостях смех и шутки.

Но подобные шуты появлялись не только во время пиршеств, а даже жили в домах римских богачей и были тесно связаны с их домашнею жизнью. Дионисий Галикарнасский¹² рассказывает, что шуты и скоморохи фигурировали и в похоронных процессиях; они всегда шли за плакальщицами и флейтистами. Римские вельможи часто окружали себя целою толпою таких фигляров и скоморохов. Так, Плутарх¹³ рассказывает о Сулле, который почти всю свою жизнь проводил в обществе шутов и фигляров, подражая их коверканьям и шуткам. Точно так же и Антоний любил окружать себя шутами и всегда с большим торжеством справлял их свадьбы. Так, на свадьбе своего знаменитого шута Гиппиаса Антоний бражничал целую ночь и так много пил вина и ел

¹² Дионисий, книга VII. Глава LXXII, изд. Рейска. Дионисий родился в Галикарнасе и ездил в Рим во время царствования Августа. Его книга известна под заглавием «Римские древности», где он рассказывает историю Рима от его основания до 266 года до Р.Х.

¹³ *Плутарх*. Жизнь Суллы, перевод Пьерона. Т. II. С. 397.

говядины, что на следующий день с ним чуть не сделалась рвота на Форуме в присутствии собравшегося там народа. Когда Антоний сделался триумвиром, то, по словам Плутарха, на него не могли смотреть без негодования: он часто закрывал двери своего дома полководцам и послам, а отворял их скоморохам и шутам, с которыми предавался всевозможным кутежам. Позднее, когда Антоний отправился в Азию, чтобы собрать там деньги, обещанные легионам, то входил в каждый город этой части света в сопровождении целой толпы азиатских фигляров и балагуров, которые, по мнению Антония, во многом превосходили своих собратьев, привезенных триумвиром из Италии. Мы можем привести множество примеров подобного рода, так как обычай держать у себя шутов берет свое начало из самой глубокой древности, продолжался в Средние века и даже в начале новой истории.

Одним из самых знаменитых шутов древности был известный баснописец Эзоп. Конечно, очень многие считают Эзопа мифическим лицом, но мы положительно говорим, что Эзоп существовал; даже хорошо известно, что этот древний баснописец родился около (520 года до Р. Х. и умер в 560 году до Р.Х. Плануд, греческий монах, живший в XIV столетии после Р.Х., написал «Жизнеописание Эзопа», которое перевел Лафонтен и поставил вместо предисловия в начале своего «Сборника басен». Плануд¹⁴ говорит, что Эзоп был

¹⁴ *Плануд Максим* – византийский грамматик, математик и теолог XIII—XIV вв. – *Ред.*

фригийский раб и отличался отвратительным безобразием и уродливостью. Природа даже отказала ему в употреблении языка: но впоследствии, как рассказывает Плануд, Фортуна возвратила ему дар слова в награду за совершенное им доброе дело. Лафонтен привел нам массу анекдотов об Эзопе, некоторые из них очень остроумны и занимательны; от других же веет каким-то ребячеством и детской наивностью. Эзоп был в рабстве у многих хозяев, и последним из них был Ксанф. У него Эзоп исполнял должность домашнего шута или морозофа, т.е. безумного мудреца, который говорил философские сентенции и, кроме того, часто выводил своего господина из разных затруднений.

Однажды Ксанфу вздумалось угостить своих друзей, и он приказал Эзопу купить на рынке самых лучших припасов для обеда. Эзоп купил только языки и приготовил их к обеду под разными соусами: гости сначала хвалили кушанье, а потом уже стали и морщиться. Ксанф рассердился, позвал к себе фригийца и гневно сказал ему:

– Я приказал тебе купить на рынке самых лучших припасов, не так ли?

– А что может быть лучше языков? – возразил Эзоп. – Язык – это главное связующее начало гражданской жизни, орудие истины и разума, ключ к наукам. Язык воздвигает целые города и содержит их в стройном порядке. Язык научает, убеждает, руководит массами людей. Наконец, языком мы прославляем богов.

– Хорошо, – сказал Ксанф, – теперь завтра приготовь мне самый дурной обед, ко мне придут те же гости, и я хочу их позабавить.

На другой день Эзоп опять приготовил обед из языков и мотивировал это тем, что «язык – это самое худшее зло на свете. Благодаря языку на земле происходят и споры, и брань, раздоры и войны. Если язык – орудие истины, то в то же время он и орудие лжи и клеветы. Если, с одной стороны, язык восхваляет богов, то, с другой, он часто и богохульствует». Конечно, все согласились, что фригиец был совершенно прав.

Однажды Ксанф, пируя со своими приятелями и учениками, опьянел до такой степени, что сам не помнил, о чем говорил; так, он побился об заклад с одним из своих учеников, что может выпить все море: на другой день, когда он очнулся от опьянения, то, вспомнив о своем безумном закладе, не знал, что делать; но тут находчивый Эзоп дал ему хороший совет, и Ксанф выпутался из своего затруднительного положения.

Когда наступил день, назначенный для выполнения заклада, все жители Самоса столпились у берега моря, чтобы посмотреть на посрамление философа. Тот из его учеников, который бился с ним об заклад, явился с торжествующим видом, так как хорошо знал, что победа останется за ним.

Ксанф явился также совершенно спокойный и, обратившись к толпе, сказал:

– Я действительно бился об заклад, что могу выпить все море, но в данном случае я не принимал в расчет рек, которые в него впадают: пусть мой противник отведет реки, и тогда я приведу в исполнение то, что обещал.

Все удивлялись находчивости Ксанфа и стали восхвалять его ум, благодаря которому он с честью выпутался из такого затруднительного положения. Ученик Ксанфа признал себя побежденным и стал просить прощения у своего учителя, которого толпа проводила до его дома, выражая ему свой восторг громкими криками.

Существует масса анекдотов об Эзопе. Многие из них, конечно, искажены или прямо выдуманы, как, например, то, что будто бы Эзоп отличался страшным безобразием и уродливостью. Так, один ученый XVII столетия Боше де Мезирьяк в своей критике на труд Плануда – вероятно, Лафонтен не знал о существовании этого труда, хотя уже он и существовал в то время, когда французский баснописец выпустил свой сборник – очень строго судил о сочинении греческого монаха. Мезирьяк говорит, что он решительно не понимает, откуда Плануд мог выкопать, что Эзоп был уродлив и безобразен, так как об этом ничего не упоминается у древних авторов. Мезирьяк отвергает и то предание, что Эзоп был косноязычен¹⁵. «Не следует верить, – говорит автор, – всему то-

¹⁵ Однако софист Гимериус, который пишет много раньше Плануда, подтверждает, что Эзоп был очень безобразен. Плутарх в своем «Банкете семи мудрецов» уверяет нас, что Эзоп был заикой. Тут Солон говорит ему: «Ты очень искусен в подслушивании ворон и соек, но ты не слышишь своего собственного

му, о чем рассказывает Плануд относительно того времени, когда Эзоп служил у Ксанфа; он влагает в уста этого фригийца такие дерзкие и бессмысленные слова, что знаменитого баснописца скорее можно принять за шута или скомороха, чем за серьезного философа. Я вполне уверен, что это все только пустая болтовня, которую Плануд выдумал для забавы детей».

Несмотря на всю суровость подобной критики, все же следует допустить, что Эзоп во все время, как он находился в услужении у различных хозяев, был их советчиком, высказывая им свое мнение под формою шутки; подобные советчики часто встречались в домах древней знати. Конечно, это была более высокая должность, чем должность обыкновенных шутов.

Вероятно, знаменитый баснописец именно и занимал подобную должность.

II

Домашние шуты в Средние века. – Шуты в домах вельмож. – Шуты в домах духовных лиц. – Празднество глупцов. – Бродячие шуты. – Атрибуты и одежда шутов.

Домашние шуты, развлекавшие древних греков и рим-
голоса».

лян, пережили и падение Западной Римской империи. Мы их встречаем в Средние века в замках, монастырях, при особах вельможи, аббата, епископа: такие шуты не вымирали, они продолжали существовать, несмотря на запрещения королей и духовенства.

Следует, однако, признаться, что в эти времена невежества, когда развлечением считалась или охота, или война, когда люди не видели никаких удовольствий и были погружены в мрак суеверий и невежества, которые тяготели над ними как тяжелое бремя, шуты, конечно, представляли собою некоторого рода развлечение; их всюду принимали, и они всюду являлись желанными гостями. В особенности женщины любили слушать шутов. Но действительно жизнь в замках была очень скучна и однообразна. Представьте себе один из этих громадных мрачных замков, которыми была усеяна почти вся Западная Европа; эти замки были окружены глубокими рвами, через которые проходили по подъемным мостам, высокие стены с массивными воротами возвышались вокруг всего здания, зубчатые башни замка виднелись еще издали, а под зданием находились ужасные подземелья. Конечно, жизнь за этими стенами казалась очень скучною и монотонною. Еще владелец замка имел кое-какие развлечения: он был занят охотою и войною, охранял свои владения, делал набеги на соседей или сам отражал их набеги; творил у себя в замке суд и расправу. Но что было делать его жене? В то время еще турниры не вошли в обычай, и развлечений

не было никаких. Ей ничего не предстояло иного, как только взобраться на вершину башни и смотреть оттуда на окрестности. Но в то время и окрестности не представляли ничего особенного; все было так тихо и монотонно: горы и леса, реки и долины. Еще не было трубадуров, которые так хорошо умели воспевать крестовые походы; не являлся красивый рыцарь, который скакал бы во всю прыть по направлению к замку, прильнувший к шее лошади. Конечно, при таком отсутствии развлечений шут положительно являлся кладом: он умел и плясать, и скакать, выделявая такие уморительные прыжки: он пел песни смешные и забавные, играл на волынке или на флейте, знал столько загадок, поговорок, прибауток; рассказывал такие интересные сказки и побасенки; он один был причиною тому, что в этих громадных скучных залах замка раздавался веселый непринужденный смех. Шут всегда занимал более высокое место, чем собака, обезьяна или орлик, которых благородные дамы кормили из своих рук и которые служили им также развлечением.

Большей частью такой шут походил на Эзопа, каким его изобразил Плануд. Чем более он был безобразен и уродлив, тем большим успехом он пользовался; но чем более хозяева замка ласкали и баловали такого шута, тем более его ненавидели пажи и прислуга; но зато и шуты хорошо умели мстить за себя, выбирая и пажей, и прислугу мишенью для своих шуток и острот. Если какой-нибудь шут недостаточно хорошо знал свое ремесло, то ему давали учителя, который обя-

зан был его усовершенствовать в этом искусстве. «Шут, живущий в знатном доме, – говорит Жакоб в своем «Рассуждении о шутах французских королей», – воспитывался с таким же старанием, с таким же трудом и такими же издержками, как и ученый осел... К нему приставлялся наставник... Он должен был заучивать прыжки, поговорки, прибаутки, песенки». Часто случалось, что если он дурно готовил свой урок, то его стегали ремнем и затем отправляли обедать на кухню вместе с поварятами.

Такие шуты часто принадлежали к одному семейству, так как их ремесло переходило по наследству от отца к сыну; были даже целые династии шутов. Библиофил Жакоб, упоминая о Гийоме Буше, приводит при этом очень интересные подробности. Здесь идет дело об одном идиоте, появившемся на свет Божий».

«Этот слуга происходил из такого рода и из такой семьи, где все отличались глупостью и веселостью; кроме того, все те, которые рождались в этой семье, откуда происходил этот слуга, отличались также глупостью и оставались такими на всю жизнь; вся знать брала себе шутов из этой семьи, так что ее глава получал большие деньги». Подобное преимущество, конечно, унижает человеческое достоинство.

Некоторые из этих шутов были, однако, люди с сердцем. Под их плащом шута билось действительно прекрасное сердце; это же сердце точно так же, как и сердце их повелителей, разрывалось на части от страданий. Трибуле, которого изоб-

разил Виктор Гюго в своей пьесе «Король забавляется», во- все не похож на настоящего Трибуле, как это мы докажем в следующей главе; но он может сойти за бессмертный тип тех шутов, которых, вероятно, было достаточно и которые, под тяготением всеобщего презрения или терзаемые какою-либо печалью, должны смеяться по обязанности в то время, как их глаза готовы наполниться слезами или когда их душа исполнена негодования и отвращения!

Однако шуты появлялись не только в замках знатных вельмож, но даже попадали во дворцы коронованных особ; здесь-то, быть может, появлялись наиболее замечательные шуты; но что еще более удивительно, что подобные шуты встречались и в монастырях: некоторые духовные лица любили развлекаться выходками шутов и скоморохов. Об этом факте упоминается в документах, собранных в XVII столетии одним немецким юрисконсультантом Гейнеке и бенедиктинцем Мартеном. Гейнеке упоминает об одном запрещении 789 года, в силу которого духовным лицам не дозволялось держать шутов, охотничьих собак, соколов и стремянных. Однако, несмотря на все эти запрещения, шутовство и скоморошество не прекращалось. Доказательством этому может служить «Празднество Глупцов», которое продолжалось до XVI столетия. Ученый Дютильо в одном из своих сочинений, изданном в Лозанне в 1741 году и озаглавленном *«Мемуары, которые могут служить для истории Празднества Глупцов, которое справлялось при многих Церквах»*,

дает интересные подробности относительно этого странного обычая.

По Дютильо, празднество глупцов берет свое начало от Сатурналий, которые праздновались в Риме; во время этого празднества слуги надевали одежду своих господ и садились вместе с ними за стол в воспоминание о Золотом веке, когда все были равны. Когда язычники приняли христианство, то им было очень трудно отвыкнуть от этих празднеств, исполненных такого неподражаемого веселья. Епископы для облегчения перехода из одной религии в другую допустили в новой церкви такого рода празднества, во время которых причетники открыто совершали богослужение, как в древних сатурналиях, слуги садились за стол вместе со своими господами. Однако подобное веселье скоро перешло границы приличия, так что духовные власти вскоре же и запретили подобные празднества. Св. Августин в своей проповеди «De Tempore» в начале V столетия и Толедский Собор в 633 г. также запретили эти празднества, но это не имело успеха, потому что они все еще продолжались в течение нескольких веков. Праздник глупцов обыкновенно справлялся на святках и в особенности в день Нового года. В кафедральных соборах в день, назначенный для этого праздника, причт выбирал из своей среды епископа глупцов, и посвящение его в этот сан сопровождалось целым рядом шутовских обрядов. Когда посвящение было совершено, то епископ глупцов совершал богослужение с митрою на голове, с посохом и епи-

скопским крестом в руках. В церквях, которые находились в прямой зависимости от папского престола, избирался не епископ глупцов, а папа глупцов; в монастырях избирался аббат или аббатиса. Замечательно то обстоятельство, что все эти папы, епископы и аббатисы дураков пользовались своим недолгим пребыванием в сане и выбивали в честь свою медали и жетоны и даже чеканили (из олова или другого сплава) шутовскую монету со своими изображениями. Новоизбранного епископа, папу или аббата окружала целая толпа мелких причетников, переодетых в женские платья, в масках с гудками и волынками в руках. Вся эта толпа пела неприличные песни, кричала во все горло, ела колбасу и сосиски, словом, эти люди вели себя как помешанные: они играли в кости, в карты и распространяли по всей церкви чад от кадилъниц, в которые вместо ладана были положены обрезки старых подошв. Этот праздник заканчивался катанием в навозных телегах по всему городу, причем клирики потешались тем, что бросали горстями навоз в прохожих.

В некоторых епархиях, в особенности в Рейнской, многие епископы принимали участие в особого рода увеселениях, которые назывались, как и во время Горация, «Декабрьскою свободою». Этот факт хотя и кажется уже слишком странным, но, тем не менее, он подтверждается многими документами, собранными Дютильо в его мемуарах.

Однако не следует думать, что этот праздник глупцов одобрялся только наиболее молодыми и наименее серьезны-

ми духовными лицами. Один ученый, по словам Герзона¹⁶, даже поддерживал такого рода мнение, что подобная церемония была так же приятна Богу, как и празднование Благовещения Пресвятой Девы.

В некоторых местностях праздник глупцов соединялся с праздником ослов или с разными другими увеселениями; это доказывало, что в Средние века церковь не всегда предавала шутовство анафеме. К празднику глупцов присоединялся еще и праздник ветвей, состоявший в том, что причетники целой процессией отправлялись 1 мая в лес епископа. На возвратном пути они шумели и кричали, заставляя одних прохожих прыгать через помело, а других танцевать и петь. Такая балагурная церемония продолжалась с 28 апреля по 1 мая. В промежутках между службами каноники играли в кегли под сводами церкви или давали там представления и концерты.

Но еще было хуже того, когда один каноник по имени Бутейль, который около 1270 года установил особого рода службу, называемую «obit»¹⁷, ставил на клирос пять буты-

¹⁶ Жан Герзон (1363—1420) — это одно из самых замечательных лиц XV века. Он был ректором Парижского университета и не переставал восставать против кровавого соперничества двух партий: орлеанской и бургундской. Он написал свой знаменитый устав, по которому хотел ввести коренные реформы в администрации королевства: на соборах Базильском и Констанском он ревностно защищал учение церкви, боролся против сектантов и восставал против распушенности духовных лиц. С 1417 года он удалился в уединение и жил в одном из монастырей в Лионе.

¹⁷ Слово «obit» означает в католической религии заупокойную обедню, кото-

лок вина для певчих, принимавших участие в этой службе. С тех пор во время этого празднества певчие постоянно напивались допьяна. Во время питья вина певчие ели еще особого рода пирожки, которые назывались *мордобойки* (*easse-museaux*); их называли так потому, что тот, кто подавал такие пирожки, грубо бросал их в лицо другим.

Как уже было сказано выше, праздник глупцов справлялся и в монастырях, как в мужских, так и в женских, и это продолжалось до семнадцатого столетия. В одном из писем, адресованном на имя Петра Гассенди в 1645 году, один старый монах по имени Матюрен де Нёри¹⁸ жалуется на те неприличные церемонии, которыми сопровождалось празднование глупцов или невинных во многих монастырях Прованса. Мирская братия, которую называли также капустниками (*соре-схоух*), потому что они занимались домашними и огородными работами, а во время празднества глупцов занимали места монахов в церкви. Они надевали наизуворот разорванные ризы, держали в руках книги вверх ногами, делая вид, что их читают, надевая при этом очки с вынутыми стеклами, а вместо них вставляли апельсиновые корки, дули в кадильницы, наполненные золою, и осыпали ею друг друга.

рую ежегодно служат по умершим.

¹⁸ Матюрен дё Нёри из Шинона, старый монах, бывший наставником у детей Франсуа Бошара де Шампиньи, губернатора Прованса, к которому и определил его Петр Гассенди в 1643 году. Петр Гассенди был известный ученый, наставник Мольера; он ввел было в моду философию Эпикура, к которой питал сильное пристрастие.

Словом, творили всякого рода безобразия.

Дютильо упоминает еще о мемуарах Антония Лансело, члена Академии надписей (1675—1740), относительно древнего празднества глупцов в Вивьерской епархии. Во время этого празднества происходил сначала выбор аббата духовенства, которого назначал низший клир (молодые каноники и клир). Затем служили молебен, после этого происходила процессия, которая повторялась в течение всех восьми дней празднества. Епископ Глупцов появлялся в день св. Стефана. Он пользовался своим званием только в следующие дни: в день св. Стефана, в день св. Иоанна и в день св. Иннокентия. Он облачался в одеяние епископа и благословлял народ.

Конечно, серьезные люди хорошо понимали, что подобные церемонии только развращали нравы, и потому старались всеми силами воспрепятствовать подобным процессиям и празднествам.

Соборы, папы и епископы рассылали запрещения и предавали анафеме непослушных. Морис де Сюлли, епископ Парижский, в конце XII века и Одон де Сюлли в начале тринадцатого столетия строго запрещали подобные церемонии, но все эти заботы епископов были совершенно напрасны; народ вышел из повиновения и продолжал справлять праздник глупцов со всеми сопровождавшими его неприличными церемониями; так это продолжалось более двухсот пятидесяти лет. В 1444 году богословский факультет в Париже, по

словам Мезерея¹⁹, написал по просьбе епископов письмо ко всем прелатам и ко всем епископам, чтобы прекратить все увеселения подобного рода. В 1435 году декретом Базельского собора запрещались не только празднества глупцов, но даже и маскарады, а те духовные лица, которые допускали в своих епархиях подобные увеселения, отрешались на три месяца от должности. Словом, на каждом соборе, которые следовали один за другим, в XV и в XVI столетиях постоянно издавались декреты, запрещающие все церемонии, подобные празднеству глупцов.

Светские власти присоединились к духовным и также всеми силами старались искоренить все неприличные процессии и торжества. Так, в 1552 году Дижонский парламент издал циркуляр, в котором строго запрещалось переодевание мужчин в женские платья, ношение масок, а также и все неприличные церемонии: послушникам же угрожало строгое наказание: их отдавали под суд как преступников. Этот циркуляр был прочитан всенародно, и затем несколько сот его экземпляров были расклеены на дверях приходских церквей и на углах улиц.

Соединенными силами духовных и светских властей удалось наконец совершенно искоренить обычай праздника

¹⁹ *Мезерей* родился в 1610 году, умер в 1683 году. Он приобрел известность своей «Историей Франции»; это был объемистый труд в трех томах. Хотя Мезерей и считался историографом Людовика XIV, он писал совершенно свободно, так что Кольбер вздумал отомстить ему и отнял от него пенсию в 4000 ливров, которую тот получал от двора.

глупцов и тому подобных церемоний. Однако шутовства нельзя было искоренить совершенно; многие протестантские пасторы позволяли себе говорить такие проповеди, которые возбуждали в публике смех. Вообще, пасторы любили жестикулировать, повышать и понижать голос, что выходило у них несколько театрально. Часто эти пасторы для объяснения догматов религии делали такие странные сравнения, что невольно приводили слушателей в сильное недоумение. Правда, некоторые из этих проповедников делали это не из шутовства, но совершенно по неведению, вовсе не имея и в мыслях, что их странные сравнения могут вызвать улыбку на устах их слушателей; также были и такие проповедники, которые умышленно присоединяли шутовство к своим проповедям. М.А. Канель в одной из своих книг, озаглавленной «Исторические исследования относительно шутов французских королей», приводит массу интересных документов по поводу подобных проповедников; из них особенно были замечательны Мишель Мено и Оливье Майяр. Первый из них был из ордена кордельеров²⁰; он родился около 1450 г. и умер в Париже в 1518-м или 1519 году. Его прозвали Лангдор (золотой язык). Оливье Майяр родился в Бретани в 1440 году, умер в 1503-м и был проповедником при дворе Людовика XI. Однажды Майяр, говоря проповедь на сюжет о состоянии души в чистилище, между прочим сказал: «Когда эти души

²⁰ Так называли во Франции монахов ордена св. Франциска, носивших вместо пояса веревку. – *Ред.*

слышат, что за их упокой опускают деньги, которые издают звук *тин, тин-тин*, то они начинают радоваться и смеются: *ха! ха! ха! хи! хи! хи!* Мишель Мено, делая в своей проповеди выговор женщинам, что их сборы в церковь бывают уж слишком продолжительны, между прочим, говорил: «Скорее можно очистить конюшню от навоза, в которой стояло сорок четыре лошади, чем женщина окончит свой туалет»».

Наконец, еще Жан Раулен. Он родился в 1443 году и умер в 1514-м. Под конец своей жизни, в 1497 году, он удалился в аббатство Клюни. Он был современником Мено и Майяра и также потешал своих слушателей, рассказывая им об одной вдове, которая хотела выйти замуж за своего слугу и которую священник ее прихода послал спросить совета у колоколов. До свадьбы вдова слышала, как колокола ей говорили: «Возьми твоего слугу, возьми твоего слугу!» А после свадьбы те же колокола ей говорили: «Не бери твоего слугу, не бери!»

Здесь, кстати, упомянем еще о том, что многочисленные изображения фигур глупцов встречаются как на наружных, так и на внутренних стенах многих соборов. Так, в деревне Шампо, находящейся в двенадцати километрах к северо-востоку от Мелуна. в тамошней церкви находится множество изображений крайне странных и между прочими три головы шутов в остроконечных колпаках и с погремушками. Здание этой церкви относится к двенадцатому столетию. Точно так же в одной из парижских церквей, построенной в XV ве-

ке, мы видим разные украшения, изображающие епископа с шутовским жезлом в руках и монаха в колпаке с ослиными ушами и также с шутовским жезлом в руке.

Можно безошибочно сказать, что между всеми этими шутами очень мало разницы: все они похожи друг на друга, как те, которые ютились в монастырях или которые жили в замках у вельмож, или, наконец, те, которые как вольные птицы бегали по дорогам в самых странных костюмах и смешили народ; они зарабатывали себе хлеб, переходя из одного города в другой, появляясь на рынках и ярмарках или же стараясь подстеречь какого-нибудь принца или знатного вельможу, чтобы потешить его своими выходками и шутками и за это получить или приглашение на ночлег, или немного денег, чтобы иметь возможность продолжать свой путь. Иногда эти шуты путешествовали целыми партиями в сопровождении музыкантов, которые играли на различных инструментах или рассказывали сказки, тогда как сами шуты выделывали разные фокусы, кривлялись, затевали различные игры и всячески старались потешать народ. Иногда они показывали обезьян, собак и других дрессированных животных; часто эти шуты, собираясь труппами, разыгрывали целые сцены; то они представляли ссору женщин, то изображали пьяных, а иногда давали и драматические пьесы. Так, Жаль в своем «Критическом словаре биографии и истории упоминает о некоторых из этих бродячих шутов, которые часто давали представления в присутствии коронованных лиц, как,

например, Карла VI и королевы Анны Бретанской.

Конечно, эти бродячие шуты носили самые разнообразные костюмы, которые, только за исключением некоторых общих атрибутов, мало отличали их от обыкновенных людей; правда, они одевались в самые пестрые лохмотья, как обыкновенно одеваются уличные фигляры. Что же касается тех шутов, которые состояли при особе или коронованного лица, или какого-нибудь вельможи, то для них шили особый «костюм шута», всегда почти одинаковый, хотя тут и была некоторая разница в деталях. В одной небольшой поэме XV века, где каждое сословие выражает свое желание, то и шут, между прочим, говорит: «Я желаю прежде всего такие вещи, которые мне грезятся и день, и ночь: во-первых, я хочу иметь хороший жезл и колпак с большими ушами и такими побрякушками, которые гремели бы на славу; я забуду о всякой тоске и печалях, а буду танцевать на поле и в кустарниках, и у меня будет такой хороший аппетит, что стану опустошать котлы и бутылки и за все это получу последнее сокровище – саван».

Отличительный атрибут каждого шута – это его шутовской жезл (*marmotte*); это нечто вроде жезла с головой в пестром полосатом колпаке с бубенчиками. Слово «мармот» – это сокращение от «Марии». Кроме того, на голове шута всегда был надет остроконечный колпак с бубенчиками и с длинными ушами; именно этот колпак и составлял характерное отличие шута. На одной из старинных гра-

вюр, взятой из одного немецкого сочинения под заглавием «Schelmenzunft» («Сонмище шутов»), изданной в 1572 году, изображен шут в колпаке, остроконечности которого загнуты одна на правый бок, а другая на левый; на шее у этого шута привешено нечто вроде салфетки, из которой он вынимает маленьких шутов; у этих последних или только одна голова, или один бюст; большой шут сеет их по деревне; такие зародыши шутов вырастают и потом узнают друг друга, как и самого сеятеля, по знаменитому колпаку с той только разницею, что у маленьких остроконечности стоят прямо наподобие ослиных ушей.

Что же касается самого костюма шута, то он состоял из жакетки, вырезанной острыми углами; на эту жакетку надевалась деревянная золоченая шпага, а иногда и раздутый свиной пузырь, наполненный сушеным горохом; такой пузырь привязывался к небольшой палочке. Это именно и есть те подарки, которые Панург преподнес Трибуле, как это рассказывается в III книге, гл. XLV «Пантагрюэля». Панург по своем прибытии дал ему свиной пузырь, который очень громко брэнчал, потому что был наполнен сухим горохом, затем вызолоченный кусок дерева, потом черепаховый ягдташ и, наконец, бутылку хорошего бретонского вина в ивовой плетенке и четверик яблок. Трибуле опоясался шпагою, надел ягдташ, взял в руки пузырь, съел часть яблок и выпил все вино. Панург с любопытством посматривал на него и сказал: «Мне еще никогда не доводилось видеть шута и вряд

ли удастся видеть такого, который не пил бы вина большими глотками и с особым удовольствием». Следовательно, употребление вина также составляло необходимую принадлежность шутов.

Кроме того, костюмы шутов имели и свои определенные цвета, а именно смесь желтого с зеленым. Эти оба цвета в Средние века не пользовались хорошей славой. На банкрота надевали шапку зеленого цвета; на каторжника, отправляемого на галеры, надевали колпак зеленого цвета. Желтый цвет в Средние века считался символом бесчестия, презрения и низости. Так, например, палач клеймил дом осужденного, совершившего преступление или оскорбление величества, печатью желтого цвета. Затем в 1251 г. Арльский собор постановил, что иудеи должны отличаться каким-нибудь внешним знаком от христиан; тогда Людовик Святой издал указ, чтобы они носили на животе лоскут материи желтого цвета.

Шуты также стали носить костюмы желтого и зеленого цветов; это продолжалось до семнадцатого столетия. М.А. Шеруель рассказывает в своей «Истории монархической администрации во Франции», что 9 января 1614 года некто Верто, казначей в Шалоне, был увезен ночью четырьмя всадниками, принадлежавшими дому герцога Наваррского, и был отправлен в Кассин, принадлежавший герцогу; там за то, что Верто донес о совершенном упомянутом герцогом злоупотреблении властью (он был губернатором Шампани),

несчастливого одели дураком, посадили на осла и возили по Кассину и его окрестностям. Г-н де Верто в своем прошении королю описывает, что это был за дурацкий костюм, в который его нарядили:

«Начальствующий в Кассине сказал, что получил приказание от герцога надеть на нас то платье, которое он нам показал и которое состояло из саржевых полос наполовину желтого и зеленого цветов; зеленые полосы были обшиты желтыми позументами, а желтые полосы зелеными. Между полосами была вшита желтая и зеленая тафта, как и между позументами. Один чулок был из зеленой саржи, а другой из желтой; затем колпак был также наполовину желтого и наполовину зеленого цвета и с длинными ушами...»

Иногда весь костюм шута делали из материи красного цвета или же его делали из сочетания трех цветов: красного, зеленого и желтого, но это уже являлось исключением. Но желтый и зеленый цвета постоянно встречались в одежде шутов и могли действительно назваться цветами глупости.

Следовательно, жезл, остроконечный колпак с ослиными ушами и бубенчиками, красная или желтая жакетка составляли как бы ливрею для шута, и не только для домашних шутов, но также и придворных и городских шутов, народных и даже для целых ассоциаций шутов, о которых мы будем говорить ниже.

Ш

Придворные шуты. – Придворные шуты в древности. – Официальные шуты во Франции. – Сеньи Иоган. – Иоган Арсемалль. – Миттон. – Тевенин де Сен-Леже. – Большой Иоган. – Генселен-Кок. – Вильон. – Шуты Карла VII, Людовика XI и Карла VIII.

Шуты встречались и в замках вельмож, и у епископов в их дворцах; тем более короли и королевы, принцы и принцессы также держали при себе шутов, так как это было в большой моде в то время.

Придворные шуты существовали еще в самой глубокой древности. Шарль Маньен в своих «Origines Du Théâtre antique et moderne» рассказывает, что в Рамаяне²¹ упоминается о шуте, бывшем при особе прекрасной Ситы, супруги храброго Рамы; этот шут описывал своей прекрасной повелительнице качества ее любовников.

Кроме того, судя по одному из мест в книге Самуила²²,

²¹ *Рамаяна* – творение поэта Вальмики, жившего за полторы тысячи лет до Р. Х.; санскритская эпопея, где в 25 000 стихов рассказываются приключения индийского героя Рамы.

²² Давид, преследуемый гневом Саула, прибыл к Акишу, царю страны Гатской. Его узнали служители царя, Давид притворился дураком. Тогда Акиш сказал своим придворным: «Разве вы не видите, что этот человек потерял рассудок? Зачем вы его привели ко мне? Разве у меня мало *своих шутов и дураков*, что вы хотите

Акиш, царь страны Гатской, также держал шутов при своем дворе. Если верить одному сочинению под заглавием «Dialogues», изданному в XV столетии, то и у великого Соломона, несмотря на всю его славу, также был шут по имени Маркольф. Автор предполагает, что этот царь, отличавшийся такою мудростью, сидя однажды на своем троне, заметил у своих ног Маркольфа, человека маленького роста, безобразного; у него было широкое, морщинистое лицо, большие глаза, длинные уши, отвисшие губы, козлиная борода, громадные руки с крючковатыми пальцами, острый нос, ноги как у слона, волосы растрепанные, туника грязная, в пятнах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.